

Керри Болтон

ГОЛОД В США И ПРОВАЛ «НОВОГО КУРСА»

Рузвельт оживил США с помощью военных расходов

Оригинал: Kerry R. Bolton. American Famine and the Failure of the New Deal. Roosevelt Revived the USA through War Expenditure

Источник: <https://www.inconvenienthistory.com/9/2/4359>

Перевод с английского, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Два великих мифа новейшей истории таковы:

1. Германия добилась экономического подъема путем перевооружения;
2. Рузвельт преодолел депрессию с помощью своих социальных реформ «Нового курса».

Эти предположения обратно пропорциональны действительности. Германия добилась экономического подъема аналогичным образом, что и лейбористское правительство в Новой Зеландии примерно в то же время: государственный кредит на общественные работы без обращения к долгам. Эта система в Германии была подробно описана в предыдущей статье в журнале «Неудобная история». [1]

Общественные работы, которые финансировались за счет нескольких различных видов беспроцентного кредита в Германии, не носили характера подготовки к войне. Например, наряду с мифом о восстановлении экономики за счет производства вооружений, многие полагают, что автобаны были построены для оперативного обеспечения перевозки танков и другой тяжелой военной техники в ходе давно запланированной войны. Д-р Фредерик Споттс, который, как и другие крупные историки, проливает новый свет на такие темы, хоть и чувствует себя обязанным вставлять в свои научные работы бессмысленные и не имеющие отношения к делу замечания и клише, чтобы его не осудили как апологета нацистов, отвергает такие предположения о военных расходах в отношении автобанов. Он указывает на то, что места расположения и характеристики автобанов проектировались в соответствии с эстетическими и экологическими соображениями, а не задумывались для быстрого перемещения танков и пушек по Германии на фронт запланированной войны:

«Поэтому автобаны были призваны не столько облегчить передвижение автомобилей из одного места в другое, сколько показать природную и архитектурную красоту страны. Маршруты выбирались для того, чтобы проходить по привлекательным районам, не нарушая гармонии холмов, долин и лесов. Придорожные площадки для остановки машин были созданы для того, чтобы путешественники останавливались и восхищались панорамой. В некоторых случаях дорогу даже специально строили с объездом, несмотря на дополнительные расходы, чтобы предложить особенно впечатляющий вид. Большие усилия пошли на строительство, чтобы минимизировать ущерб окружающей среде. Ландшафтные архитекторы проверяли планы, указатели направлений были обособленными, а станции техобслуживания были сделаны максимально незаметными. Мосты и путепроводы строились не только для того, чтобы вписываться в ландшафт, но и для того, чтобы сами по себе быть архитектурными достижениями». [2]

Доктор Споттс отмечает, что маршруты автобанов «не шли к вероятным линиям фронта». Поверхности их были слишком тонкими, чтобы выдержать танки и другие тяжёлые машины. Во время войны дороги, имевшие блестящие белые поверхности, приходилось камуфлировать краской, чтобы предотвратить их использование в качестве ориентации для самолетов противника. [3]

Основные проблемы импорта продовольствия, мучившие как Италию, так и Германию, решались «внутренней колонизацией». В то время как в СССР в результате коллективизации умерли предположительно до 7 000 000 «кулаков», Германия и Италия стремились создать процветающее и расширяющееся крестьянство с помощью улучшенных методов культивирования и масштабных планов освоения земли. При советизации крестьянство ликвидировалось как реакционный класс. При фашизме крестьянство поддерживалось как основа здорового народа. «Идиотизм сельской жизни», как назвал его Карл Маркс, несмотря на попытки рационализации со стороны марксистских ревизионистов, считался идеалом при фашизме, и этот сельский идеализм относился не только к таким государствам, как Италия, Германия, Франция Петена, Испания Франко, Австрия Дольфуса, Португалия Салазара, Аргентина Перона и Бразилия Варгаса. Но также и фашизм Мосли, [«Железная гвардия»](#) в Румынии, «Национальное единение» в Норвегии и другие подобные партии и движения рассматривали сельское хозяйство как имеющее первостепенное значение как с точки зрения национального выживания, так и с точки зрения физического и морального здоровья народа. Поэтому там, где появлялись фашистские или, по крайней мере, корпоративные государства, они принимали хартии для тех, кто работал на земле. Реформы, начатые Петеном, Варгасом и Пероном, остаются основой современных Франции, Бразилии и Аргентины соответственно.

При начавшейся в 1929 году итальянской «Всеобщей мелиорации земель» бывшие военнослужащие были поселены на заново освоенных землях и получили за это субсидии, и были построены общины с полными удобствами.

Наиболее известным из проектов были Понтинские болота, ранее источник малярии. Первым образцовым поселком, построенным там, была Литтория, «достаточно процветающий городок бывших военнослужащих и их семей из всех частей Италии». Он стоял посреди сети дорог и ирригационных каналов, «с видом на культивируемые поля в регионе, который менее семи лет назад был опасным и зловонным малярийным болотом, замученным пораженными лихорадкой призраками лишенного заботы и внимания человечества». [4]

После Второй мировой войны в попытке стереть память о фашизме Литтория была переименована в Латину и сегодня является процветающим городом с населением более 115 000 человек и остается важным центром сельского хозяйства. Девиз города – «*Latina olim palus*»; «Латина, некогда болото».

О «Битве за зерно» Манро сообщал, что эта инициатива началась в середине 1925 года. В 1922 году, в год прихода фашистов к власти, Италия произвела 44 миллиона квинталов зерна, но нужно было импортировать 33 миллиона, чтобы составить требуемые 75 миллионов. К 1925 году это количество возросло до более чем 65 миллионов. В 1932 году Италия достигла цели самообеспечения 75 151 000 квинталов. Отныне Италия приступила к «Всеобъемлющей битве за сельское хозяйство». [5]

О Германии доктор Анна Бромвелл в своем выдающемся труде «*Blood and Soil: Walther Darré & Hitler's Green Party*» («Кровь и почва: Вальтер Дарре и партия Зеленых Гитлера») пишет, что Германия

«... принялась принимать законы, устанавливающие наследственные права собственности на фермы для малых и средних хозяйств. Оптовая пищевая промышленность была практически ликвидирована, была создана система торговли, которая устанавливала цены и контролировала качество. ... Была введена программа возврата к земле, которая создала жизнеспособные крестьянские поселения и вливала деньги в сельскую инфраструктуру, где были расположены эти поселения. Была внедрена инициатива по повышению продуктивности крестьян, которая была чрезвычайно успешной в плане повышения производительности на гектар земли и увеличения интенсивного сельского хозяйства...». [6]

Торговая деятельность в Италии и Германии эффективно осуществлялась через корпоративные органы с участием всех секторов сельскохозяйственного производства и распределения. О Германии доктор Артур Лори писал в 1939 году:

«13 сентября 1933 года правительство Германии приняло важный закон о сельском хозяйстве, закон о Reichsnährstand (Имперском земельном сословии), который определил временную структуру этой организации. Имперское

земельное сословие таким образом было поднято с уровня добровольной общественной организации на уровень публично-правовой организации, государственного органа. Имперское земельное сословие стало обязательным учреждением для всех людей, деятельность которых оно затрагивает, и оно само находится под официальным надзором. Поэтому Reichsnährstand включает в себя не только группу производств, то есть само сельское хозяйство, но и все те группы, которые каким-либо образом связаны с обеспечением продовольствия немецкой нации. Оно включает в себя структуры, занимающиеся производством различных товаров из этих продуктов, а также группы, занимающиеся распространением продовольствия среди потребителей. Благодаря такому сотрудничеству Reichsnährstand формирует орган, состоящий из производителей, производителей и оптовых торговцев, каждый из которых имеет равное значение в рамках этой организации». [7]

В фашистских и корпоративных государствах фермеры были защищены от лишения прав выкупа закладной. Что касается законодательства Германии, то

«для того чтобы поставить сельскохозяйственные угодья на прочную экономическую основу, необходимо было урегулировать проблему с задолженностью. Закон от 1 июня 1933 года позволяет снизить долги до уровня, соответствующего безопасности, и обеспечить их погашение из доходности, не ставя под угрозу средства к существованию фермера. Есть два способа сделать это. С одной стороны, существует процедура снижения долгов, с помощью которой кредитор добровольно дает отсрочку, что позволяет составить план погашения задолженности. С другой стороны, если необходимо сокращение долгов и кредиторы не готовы предоставить отсрочку, существует процедура обязательной корректировки. Урегулирование долгов направлено на освобождение владельцев ферм, лесов и рыночных садов, которые нуждаются в облегчении бремени своей задолженности до такой степени, чтобы, оплатив содержание своих семей, они могли бы погасить свою задолженность в соответствии с планом корректировки с учетом доходности своей земли. План отмены задолженности дополняется защитой от наложения ареста на имущество в сельском хозяйстве, с тем чтобы предотвратить конфискацию имущества и продажу с аукциона вещей, необходимых для ведения фермерского хозяйства». [8]

В плутократических демократиях в то же время дела обстояли совершенно иначе. Проблема, которую стремились решить США и Британия, заключалась в том, что делать с фермерами и земледельцами, вытесненными с земли из-за отсутствия рынков, в то время как массы голодали. Это был неразрешимый парадокс – для плутократий – «бедность посреди изобилия». Англичанин Джон Харгрейв, ярый сторонник и пропагандист теории социального кредита, в своей книге *«Social Credit Explained»* («Объяснение социального кредита»), вышедшей в эпоху Депрессии, описал, каким образом государства во всем мире платят фермерам за уничтожение своих урожаев сельскохозяйственных культур и поголовья животных, приводя такие примеры:

- Уничтожение 100 000 свиней в Нидерландах, 1932 г.
- 2 000 000 и 4 000 000 поросят уничтожены в США, 1933 г.
- 225 000 овец забиты в Британии, 1933 г.
- Сожжение 25 000 голов крупного рогатого скота, Дания, 1933 г.
- 50 000 ягнят выброшены в море, Новая Зеландия, 1933 г.
- Франция штрафует фермеров за увеличение площади обрабатываемых земель, 1933 г.
- США запахали в землю 25% урожая хлопка, 1933 г.
- Производители картофеля оштрафованы на 15 000 фунтов стерлингов за превышение посадочной площади, разрешенной Советом по маркетингу картофеля, Великобритания, 1935 г. [9]

В 1933 году, в то время, когда фашистская Италия участвовала в «Битве за пшеницу», газета «Daily Express» в Британии опубликовала статью под заголовком: «Бесчисленные планы ограничения посевов пшеницы». Пока Италия восстанавливала заболоченные земли для возделывания сельскохозяйственных культур и расселения людей, та же газета «Daily Express» в 1932 году сообщала, что с 1919 по 1930 год 25 000 000 акров английской пахотной земли должны были быть выведены из землепользования для сельскохозяйственных целей, что газета назвала «огромным саботажем поставок продовольствия». [10]

Британский историк Пирс Брендон пишет о США времен Великой депрессии:

«В Айове бушель кукурузы стоил меньше, чем пачка жевательной резинки. Яблоки и персики гнили в садах Орегона и Калифорнии, как и хлопок на полях Техаса и Оклахомы. Владельцы ранчо в западных штатах убивали свой крупный рогатый скот и овец, потому что не могли платить за их корм. И все же это был голод посреди изобилия. Очереди за хлебом тянулись под переполненными зерновыми элеваторами. Недоедание и сопутствующие заболевания, такие как рахит и пеллагра, были обычным явлением». [11]

Шахтеры в Кентукки и Пенсильвании питались сорняками. Другие таскали объедки из мусорных баков ресторана. В Канзасе фермеры сжигали пшеницу, теперь бесполезную, чтобы согреться. Кукуруза, будучи дешевле угля, использовалась в качестве топлива для костров и домашних очагов. [12]

Единственное место в США, которое было исключением, приняло такие меры, которые часто издевательски описываются как методы «фашистского» типа. Хьюи Лонг, губернатор Луизианы, был «весьма невосприимчив к ограничениям экономической ортодоксальности». [13] Он подготовил огромные планы общественных работ: больницы, школы, автомагистрали; и обязал банки сотрудничать. Будучи сенатором, он осудил систему Федерального резервного

банка как ответственную за Великую депрессию и как контролируемую международными финансами. Однако Лонг, движение которого «Разделить богатство» угрожало переизбранию Рузвельта на пост президента в 1936 году, был убит в 1935 году. Лонг надеялся объединиться с «радиосвященником» отцом Чарльзом Коглином, [14] собственное массовое движение которого, Национальный союз за социальную справедливость, также расценивалось Рузвельтом как важная угроза. Отца Коглина заставили замолчать в результате сделки, достигнутой между Рузвельтом и Ватиканом, и он, послушный долгу, вернулся к тому, что по приказу своего начальства стал скромным приходским священником. [15]

Американский голод

«Пыльный котёл», серия катастрофических пыльных бурь в первой половине 30-х годов, разорение в результате этих бедствий американских фермеров и их отъезд со своей земли прославились благодаря роману Джона Стейнбека 1939 года «Гроздь гнева». Хотя мы, возможно, читали его еще школьниками, мы были слишком молоды, чтобы извлечь из него уроки, и теперь старшее поколение слишком невежественно, чтобы извлечь из него уроки. Главные герои книги, семья Джоудов, как и тысячи других, собираются и покидают свою ферму, и едут в Калифорнию, где перспектива собирать апельсины делает этот штат, как им кажется, землей обетованной. Семьи расколоты, а молодые и старики умирают. Стейнбек в подробностях познакомился с этой ситуацией, когда писал серию статей об американских трудовых мигрантах для газеты «San Francisco Chronicle».

Любой сбор апельсинов, осуществляемый рабочими-мигрантами в Калифорнии в соответствии с «Новым курсом», был предназначен для того, чтобы собранные апельсины отправлялись на свалку. Священник отец Чарльз Коглин, начинавший как сторонник Рузвельта и сторонник «Нового курса», который он назвал «Курс Христа», стал, наряду с Хьюи Лонгом, самым эффективным критиком «Нового курса» и администрации Рузвельта. Его журнал «Социальная справедливость» достиг тиража в 200 тысяч, и его запретили получать по почте в попытке заставить Коглина замолчать. Основной целью Коглина было создание государственной кредитной системы, и предоставление голодающим покупательской способности, чтобы приобретать то, что производится вместо того, чтобы выбрасывать эти товары из-за отсутствия покупателей. Его вдохновением была традиционная католическая социальная доктрина, которая в значительной степени связывала противодействие ростовщичеству и установление справедливых цен. В «Социальной справедливости» Коглина появилась колонка под названием «Бекон и яйца», которую вёл Марек Мартин. Колонка начиналась словами: «Миллионы тонн хороших фруктов уничтожаются, чтобы сохранить высокие цены, когда бедняки во всех окрестностях страдают от рахита из-за отсутствия апельсинового сока». [16]

Мартин написал историю о местном «мусорщике» и о самом себе, стоящих на куче апельсинов 15 футов высотой и милю с четвертью длиной. Мусорщик заметил: «Они скидывают их здесь каждый день в течение последних трех месяцев – как правило, около двадцати таких больших шеститонных грузовиков в день. Апельсины в этом году лучше, чем в прошлом, но и выбрасывают их гораздо больше. Не могу понять». ... Кто-то в местной закуской так ответил Мартину на вопрос, почему цена на апельсины такая высокая? «Ну, они выбрасывают их на дно реки... И опрыскивают их машинным маслом, так, чтобы их нельзя было есть. Цены не должны были бы быть высокими. Людям просто не на что использовать их деньги, вот и всё». Из штабелей апельсинов «тонны и тонны» гнили на солнце, заметил Мартин. Апельсины повсюду, «куда ни кинь глазом». Упаковочная фирма округа Ориндж платила кому-то 75 долларов в месяц, чтобы каждый вечер опрыскивать выброшенные апельсины, чтобы никто не мог прийти и съесть их. Везде Мартина окружали апельсины, «тысяча деревьев, на которых вырос миллион апельсинов, чтобы отправиться на свалку».

«Я подумал о трущобах, которые видел в Лос-Анджелесе... Жалкие хижины, где забытые американские семьи живут как животные и год за годом никогда не покупают кусок свежего мяса. Я подумал, что должен быть какой-то способ, чтобы дать апельсины этим людям. Я подумал, что это самое главное в мире – дать вещи, которые имеются в наличии, в руки людей, которые в них нуждаются». [17]

Мусорщик заметил: «Мы просто замерзли, вот и всё. Апельсины замерзли, и я замерз. Я не жалуясь: я справился, и моя жена все равно осталась со мной – мы женаты уже тридцать семь лет, а это очень много. Но я действительно хочу, чтобы у людей, которые хотят их апельсины, и у меня, было что-то, чем они могли бы воспользоваться за деньги». [18]

Это было в 1938 году. «Новый курс» действовал с 1933 года, того же года, когда Гитлер возглавил правительство. Ответ «Нового курса» после пяти лет действия чрезвычайного законодательства по-прежнему заключался в том, чтобы выбрасывать и уничтожать продукты, когда люди умирали от голода и когда фермеры лишались собственности.

Осуждение Хьюи Лонга

Первые архитекторы «Нового курса» смотрели на фашистскую Италию и попытались применить некоторые корпоративные полумеры. Было предложено то, что сейчас называется «корпоративным либерализмом». [19] Сенатор Хьюи Лонг считал, что этот «Новый курс» не лучше курса предыдущей администрации. Он осудил уничтожение продовольствия, пока народ голодал:

«... Почему, как вы думаете, откуда взялся этот план Рузвельта запахивать в землю хлопок, кукурузу и пшеницу; и зачем он выливал молоко в реку, и зачем он убивал и хоронил свиней и коров миллионами, в то время как люди голодали и ходили голыми – как вы думаете, эти планы были оригинальными идеями этой администрации Рузвельта? Если вы так думаете, то вы ошибаетесь. Все идеи такого рода исходили изначально от администрации Гувера. Вы не помните, когда мистер Гувер предлагал запахивать каждый четвертый ряд хлопка? Мы высмеивали его. Президент Рузвельт поругал его за то, что он предложил такое, в речи, которую он произнес со ступеней Капитолия в То-пеке, штат Канзас.

И мы заставили мистера Гувера отказаться от его плана. Но когда мистер Рузвельт начал свой план, он не должен был запахивать каждый четвертый ряд хлопка, как это пытался сделать Гувер. План Рузвельта состоял в том, чтобы запахивать в землю каждый третий ряд хлопка, всего на одну двенадцатую больше хлопка, чем предложил запахивать Гувер. И Рузвельту удался его план.

Так это было, что в то время как миллионы голодали и ходили голыми; так было, что пока дети плакали и умирали из-за отсутствия молока; так было, что пока люди умоляли о мясе и хлебе, администрация мистера Рузвельта весело шествовала мимо, зарывая в землю и уничтожая вещи, которые можно было есть и носить, со слезами на глазах и голодными душами, которых заставили скандировать слова поддержки этого нового курса, чтобы у них не отняли хотя бы то жалкое пособие, которого едва хватает для выживания, и в то самое время пища и одежда, которых жаждали их тела и души, отправляются на уничтожение и разрушение. Что это? Это – правительство? Возможно, так. Но это больше похоже на пляску святого Вита». [20].

Лонга застрелили; Коглин получил порицание от церковного руководства, заключившего новую сделку с Рузвельтом. Помощник Лонга Джеральд Л. К. Смит пытался удержать движение Лонга «Разделить богатство» на плаву и проводил совместные митинги с Коглином, но, несмотря на динамизм и Смита, и Коглина, движение было разрушено эгоизмом изнутри и преследованием со стороны сторонников Рузвельта извне, пока окончательно не прекратило свое существование после Пёрл-Харбора.

Ленд-лиз и военные расходы

Вовсе не демо-либеральная полумера в попытке скопировать фашистский корпоративизм в итоге вытащила США из кризиса, наряду с другими демократиями-плутократиями, а напротив, военная машина военно-промышленного комплекса, работу которого Рузвельт интенсифицировал с помощью «Закона о

ленд-лизе» в 1941 году. Пятьдесят миллиардов долларов были выделены Конгрессом на программу ленд-лиза для 38 стран, из которых 31 миллиард долларов отправились в Великобританию.

Роберт М. Хатчинс, президент Чикагского университета, и ведущий противник ленд-лиза в то время, когда 80% американского народа выступали против вмешательства США в заморские конфликты, обрушился с резкой критикой на администрацию Рузвельта, осуждая ее за отсутствие средств для восстановления США, тех самых денег, которые неожиданно появились для перевооружения других государств против Германии, и указывает на провал «Нового курса»:

«У нас наивысший авторитет признал, что треть нации плохо питается, плохо одевается и живет в плохих жилищных условиях. Последние данные Совета по национальным ресурсам показывают, что почти 55 процентов нашего населения живет на семейные доходы менее 1250 долларов в год. Этой суммы, отмечает журнал «Fortune», недостаточно для содержания семьи из четырех человек. На этом основании более половины наших людей живут ниже минимального уровня прожиточного минимума. Более половины армии, которая будет защищать демократию, будут призваны из тех, кто имел этот опыт экономических выгод «американского образа жизни».

Мы знаем, что у нас до последнего времени было девять миллионов безработных, и что это их количество должно было бы сохраниться и сейчас, если бы не наши военные приготовления. Когда наши военные приготовления прекратятся, у нас, насколько нам известно, снова будет девять миллионов безработных. В своей речи 29 декабря г-н Рузвельт сказал: «После того, как нынешние потребности нашей обороны закончатся, для надлежащего удовлетворения потребностей страны в мирное время потребуется весь новый производственный потенциал – если не еще больше». Уже десять лет мы не знаем, как использовать тот производственный потенциал, который у нас был. Теперь вдруг мы должны поверить в то, что каким-то чудом после окончания войны мы должны будем знать, что делать с нашим старым производительным потенциалом, и что делать еще и с тем дополнительным огромным ростом, который происходит сейчас. У нас сегодня есть нужда и страх. И у нас будут нужда и страх, «когда закончатся нынешние потребности нашей обороны»». [21]

Хатчинс говорил это в 1941 году, когда ещё «треть нации плохо питалась, плохо одевалась и жила в плохих жилищных условиях». «Новый курс» потерпел неудачу, в то время как фашистские государства процветали. Хатчинс ссылаясь даже на самого Рузвельта, который в своей речи о ленд-лизе заявил, что не было «надлежащего удовлетворения потребностей страны в мирное время».

Более того, Рузвельт на своей пресс-конференции, на которой он объявил о ленд-лизе, в связи с опасениями по поводу отсутствия финансирования военного производства заявил, что ни одна война в истории никогда не была проиграна из-за нехватки денег. Он рассказал, как в 1914 году биржевые брокеры говорили ему, что война в Европе закончится через несколько недель из-за отсутствия финансов; он заключил с ними пари, что она продлится долго. Рузвельт ясно сказал представителям прессинга, что военное производство вызовет рост американской экономики. Он заявил о сложившейся ситуации:

«Сейчас мы получаем статьи, речи и так далее в отношении этой конкретной войны, которая продолжается, которые в какой-то степени снова исходят из такой позиции. Речь идет не просто о том, чтобы делать вещи традиционным способом; существует множество других способов их реализации. Я просто говорю о предыстории, неформально; Я ничего этого не готовил – я возвращаюсь к мысли, что единственное, что необходимо для американской национальной обороны, – это дополнительные производственные мощности; И чем больше мы увеличиваем эти мощности – заводы, судостроительные заводы, заводы по производству боеприпасов и так далее – тем сильнее американская национальная оборона». [22].

Расхваливая американскому народу шаг к войне в форме ленд-лиза как якобы отвечающий интересам Америки, Рузвельт объяснял:

«... Поэтому заказы из Великобритании являются огромным активом для американской национальной обороны; потому что они автоматически создают дополнительные производственные мощности. Я говорю эгоистично, с американской точки зрения – ничего другого». [23]

На вопрос о том, приблизил ли ленд-лиз США к войне, Рузвельт ответил: «Нет, конечно, нет». Хотя многие американцы знали, что он одержим победой над Гитлером независимо от американских интересов. Он заявил представителям прессы, что это «большая чушь», думая только о «традиционных понятиях о финансах».

Вот тут и разоблачена ложь: именно демократические государства добились экономического подъема только за счет военного производства. За семь лет до этого Гитлер отверг «традиционное мышление о финансах», сделав так, что только государство осуществляло эмиссию облигаций, бумажных денег и выдачу кредитов различных типов, без обращения к частным финансам; нечто подобное тому, что сделало в 1935 году лейбористское правительство Новой Зеландии. [24] Автобаны, жилье, мелиорация земли и многие другие проекты мирного характера продвигались вперед, как и в Италии, и задолго до начала войны. И наоборот, США до ленд-лиза застряли в трясине; затем каким-то чудом были найдены «деньги» для военного производства. В то время как плутократии-демократии не смогли найти «деньги» для общественных работ и

поддержания потребительской покупательной способности, что потребовало закрытия заводов и выкупа активов ферм, Рузвельт неожиданно смог найти «деньги» для ленд-лиза, что оказало побочное воздействие на производство одежды, сапог и т. д. Он смог сделать это за пределами «традиционных условий экономического мышления» для военного производства, однако этого никак не удалось сделать во время Великой депрессии для мирного восстановления.

Примечания

- [1] Bolton, "The Myth of the Big Business-Nazi Axis", *Inconvenient History*, Vol. 7, No. 3, 2013: <https://www.inconvenienthistory.com/7/3/3434>
- [2] Frederic Spotts, *Hitler and the Power of Aesthetics* (London: Hutchinson, 2002), 386-387.
- [3] Там же, 394.
- [4] Ion S. Munro, *Through Fascism to World Power* (London: Alexander MacLehose, 1933), 362-363.
- [5] Ion S. Munro, Там же, 363.
- [6] A. Bramwell, *Blood and Soil: Walther Darré & Hitler's Green Party* (Buckinghamshire: The Kendall Press, 1985), 1.
- [7] Arthur P. Laurie, "Reich Food Estate" (Berlin: Internationaler Verlag, 1939).
- [8] Erich Schinnerer, "The Peasant and the Land," in *German Law and Legislation* (Berlin: Terramare Office, 1938).
- [9] Bolton, *Opposing the Money-Lenders* (London: Black House Publishing, 2016), 102-104.
- [10] Bolton, Там же, 102.
- [11] Piers Brendon, *The Dark Valley* (London: Jonathon Cape, 2000), 75.
- [12] Piers Brendon, Там же, 76f.
- [13] Piers Brendon, Там же, 76.
- [14] David Kennedy, *Freedom from Fear: The American People in Depression and War, 1929-1945* (Oxford University Press, 2005), 239.
- [15] Bolton, *Opposing the Money Lenders*, указ. соч., 133-141.
- [16] Marek Martin, "Ham and Eggs: Not half so mad as California's vast orange dump," *Social Justice*, December 5, 1938, 16.
- [17] Там же
- [18] Там же
- [19] James Q. Whitman, "Of Corporatism, Fascism and the First New Deal," *American Journal of Comparative Law*, Vol. 39, 1991; http://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1656&context=fss_papers

[20] Huey Long, radio speech, NBC, New York, March 7 1935.

[21] Robert M. Hutchins, 23 January 1941.

[22] Roosevelt's Lend-Lease press conference, 17 December 1940; <http://docs.fdrlibrary.marist.edu/odllpc2.html>

[23] *Там же*

[24] Bolton, *Opposing the Money Lenders* указ. соч., 35-93.

Библиотека Велесова Слобода, 2020 г.